

УДК 340.154

DOI 10.25688/2076-9113.2021.41.1.03

Д. А. Пашенцев

Государственные преобразования петровского времени через призму историко-антропологической теории права (к 300-летию провозглашения Российской империи)¹

В статье, посвященной 300-летию провозглашения Российской империи, проводившиеся первым отечественным императором преобразования рассмотрены с помощью историко-антропологического подхода к праву. Показано несоответствие реформ национальной государственно-правовой традиции. Сделан вывод, что конструирование новой государственно-правовой модели осложнялось из-за менталитета субъектов властных отношений, наделенных правоприменительными полномочиями.

Ключевые слова: Российская империя; император; историко-антропологическая теория права; государственные реформы; правовая традиция.

Текущий, 2021 год является юбилейным с точки зрения важной вехи отечественной истории — 300 лет назад, в 1721 году, состоялось провозглашение Российской империи. Это событие, которое надолго определило направления и формы развития российской государственности, продолжает обсуждаться и сегодня. С течением веков появилась возможность исследовать события 1721 года более взвешенно и беспристрастно, применяя для этого самые современные методы из богатого арсенала юридической науки.

Современный этап развития научного знания характеризуется переходом к новой парадигме, которую академик В. С. Степин охарактеризовал как постнеклассическую. Ее главной отличительной характеристикой стал повышенный интерес к междисциплинарной методологии как основе исследования сложных саморазвивающихся систем [10, с. 627]. В связи с этим представляется возможным использовать для анализа правовых факторов провозглашения Российской империи историко-антропологическую теорию права.

Право с современных научных позиций может рассматриваться как динамично развивающаяся сложная система открытого типа, в центре которой, по мнению представителей постклассической теории права, находится человек как субъект правоприменения [15, с. 14]. Такой подход дает возможность

¹ При написании статьи использованы материалы СПС «КонсультантПлюс».

исследовать правоприменение на основе антропологического подхода с учетом достижений исторической психологии.

Историко-антропологическая теория права позволяет соединить сохраняющие актуальность идеи немецкой исторической школы права в их современной интерпретации с антропоцентризмом как направлением постклассической социологической теории права. Она позволяет рассматривать государственно-правовые явления во взаимосвязи с национальной традицией и правосознанием общества как важными факторами конструирования правовой реальности. В итоге представляется возможным получить более полную картину об историческом развитии государственно-правовых институтов, в том числе в период провозглашения Российской империи.

Провозглашение империи в 1721 году, с одной стороны, стало рубежным событием в развитии отечественной государственности; с другой стороны, оно было продиктовано всей логикой предшествующего развития страны, а также национальной правовой традицией.

В основе правовой традиции лежит стремление субъектов права, порой неосознаваемое, следовать определенным образцам правового поведения. Именно в правовой традиции, с одной стороны, коренится своеобразие каждой национальной правовой системы; с другой стороны, проявляется роль субъекта, которую можно исследовать с помощью антропологической методологии. В основе этого следования устоявшимся юридическим образцам лежит тот самый «народный дух», о котором писали представители немецкой исторической школы права и который выражается в системе определенных правовых представлений общества и его конкретных членов. Общая модель правосознания, конкретизированная в каждом конкретном субъекте, определяет особенности национальной правовой традиции в ее историко-антропологическом измерении.

Развитие российской государственности происходило в той же логике смены определенных видов монархической формы правления, как и в европейских странах. Процесс централизации после периода феодальной раздробленности сменился сословно-представительной монархией, при которой в принятии многих важных решений участвовали земские соборы, состоявшие из представителей разных сословий общества. Постепенное укрепление центральной власти повлекло переход от сословного представительства к абсолютной монархии. Эта тенденция проявилась уже в Соборном уложении 1649 года, но окончательно Россия перешла к абсолютной монархии при Петре I, когда исчезли последние формальные ограничения власти главы государства. В этой ситуации провозглашение империи стало логичным шагом, который являлся юридическим оформлением абсолютной монархии. При этом российский абсолютизм имел особенности, вытекавшие из специфики географического положения, исторической судьбы, характера народа, что и отличало его от строя абсолютной монархии в Западной Европе. Об этом писал еще В. Д. Катков, утверждая, что российский абсолютизм вырос «на национальной почве» [4, с. 14].

Понимание устойчивой взаимосвязи между экономическим и государственно-политическим развитием детерминирует обращение к экономическим предпосылкам абсолютизации власти монарха. К началу XVIII века такие предпосылки оформились. Сложился единый внутренний рынок, стали развиваться и внедряться новые технологии, создавшие основы для становления первого технологического уклада, в том числе в области горнодобычи и металлообработки. На основе развития хозяйственной специализации регионов активизировалась внутренняя торговля. Рост и реформирование налогообложения способствовали пополнению доходов казны.

Еще до провозглашения империи самовластие главы государства было закреплено в толковании к 20-й статье Воинского устава 1716 года, а через несколько лет в Духовном регламенте законодатель выразился кратко, но убедительно: «Монархов власть есть самодержавная, которой повиноваться сам Бог за совесть повелевает» [7].

Такие нормы можно рассматривать как развитие представлений о самодержавной власти, зародившихся еще в период правления Ивана III и особенно Ивана IV, доведение их до апогея.

Провозглашение империи стало не только актом, оформившим сложившуюся абсолютную монархию. Оно давало возможность для реализации более обширной и активной внутренней и внешней политики.

Во-первых, как полагает В. А. Томсинов, принятие русским правителем титула, характерного для римских монархов, «создавало идеологическое основание для подчинения ему» Русской православной церкви [12, с. 169]. В итоге церковная реформа, которая привела к превращению Церкви в часть государственного аппарата, стала одной из самых неоднозначно воспринимаемых реформ императора Петра I. По этому поводу Г. Флоровский замечал: «Новизна Петровской реформы не в западничестве, но в секуляризации. Именно в этом реформа Петра была не только поворотом, но и переворотом» [14, с. 82]. Отметим, что духом секуляризации была проникнута не только церковная реформа, но и иные преобразования периода провозглашения империи.

Во-вторых, имперская форма организации власти позволяла решать задачу прорыва к морю, к мировым торговым путям, а также установить более эффективную защиту протяженных границ и начать присоединение новых территорий, исторически входивших в сферу влияния русского этноса.

В-третьих, перед страной стояла острая задача коренной социально-экономической и политической модернизации, которую можно было решить только за счет жесткой мобилизации имевшихся ресурсов с помощью централизованного государственного аппарата.

Необходимость решения данных задач определяла такие важные характеристики российского абсолютизма, как разветвленный бюрократический аппарат, сильная регулярная армия, активизация правотворческой деятельности.

Провозглашение Российского государства империей означало конструирование новой модели отношений между властью и народом. Такие отношения

исходно имеют диалогическую природу, так как государство должно проводить политику, отвечающую интересам общества [11, с. 33]. В реальности нередко проводится политика в интересах, своеобразно понимаемых бюрократией, либо непосредственно в интересах властных элит.

Период правления Петра I стал временем коренной модернизации, которая представляла собой ответ на вызовы времени и осуществлялась за счет напряжения всех сил народа в условиях крайне жесткого авторитаризма власти. В отличие от периода сословно-представительной монархии, в петровской империи уже не шла речь о наличии обратной связи, получаемой от общества, о каком-либо диалоге с ним. И неслучайными кажутся слова протоиерея Г. Флоровского, писавшего, что именно с Петра начался великий русский раскол — между властью и народом [14].

В период провозглашения империи быстрыми темпами создавалась новая модель государства, призванная решать стоявшие перед страной насущные задачи. Она характеризовалась максимально возможной централизацией, наличием сильной армии и полиции, разветвленными контролирующими органами и мощной идеологической структурой в виде Церкви [3, с. 119]. С одной стороны, именно такое государство и требовалось для скорейшего решения задачи фронтальной модернизации. С другой стороны, создание империи и проведение последующих реформ дорого обошлось населению страны, которое в этот период значительно сократилось.

Для империи в контексте системы организации власти характерна жесткая иерархичность, построение государства по принципу пирамиды с монархом на вершине. Власть в империи производна не от народа, а от императора, именно он единственный источник всякой власти, а его власть — от Бога. «Понимание империи как политического порядка, устанавливаемого и обеспечиваемого властью (волеизъявлением) императора, противопоставляет ее демократии, в которой власть исходит от народа и осуществляется его представителями» [8, с. 190].

В этих условиях большое значение приобретала личность императора, способного либо неспособного нести свою миссию. Фигура Петра I представляется масштабной и противоречивой. С одной стороны, его правление стало важным прорывом, изменившим облик страны; с другой стороны, проводимые первым императором реформы привели к появлению новых противоречий, сыгравших впоследствии свою роковую роль, а также повлекли за собой многочисленные жертвы. Споры о том, принесли ли эти реформы благо или вред России, продолжаются уже не одно столетие; они в XIX столетии вызвали даже раскол в национальной общественно-политической мысли.

Император не считался с народной традицией, он выступал гонителем всего русского и насаждением иностранного. Петр как «великий реформатор России объявил беспощадную войну всяким обычаям, равно как и старине, основанной на них» [5, с. 218]. Но эти усилия не приносили ожидаемых плодов в масштабах многомиллионной страны. Более того, поведение императора

в семейной жизни и в быту настолько шло вразрез с устоявшимися традициями, что существенно «мешало делу государственно-имперского созидания» [1, с. 325].

Необходимость осуществления преобразований российской государственно-правовой действительности ощущалась представителями передовых кругов российского общества еще до провозглашения империи и наречения первого императора. Предшественник Петра на троне, царь Федор Алексеевич, несмотря на непродолжительность своего правления, успел запланировать и перевести в стадию подготовки проектов целый ряд важных реформ. При нем был подготовлен проект реформирования государственной службы с ее разделением по чинам и разрядам. Царь запланировал серьезные изменения, направленные на развитие просвещения. При нем готовилась земельная, налоговая, епархиальная реформы, начала внедряться система мер по социализации убогих и нищих. При этом Федор Алексеевич, будучи богобоязненным и религиозным человеком, бережно относился к русским традициям, старался не нарушать их без необходимости, превосходил первого императора и уровнем образованности. Можно согласиться с В. А. Томсиновым в том, что Федор Алексеевич, опираясь на «народный дух», «мог своими реформами достичь более великих результатов, чем достиг Петр I, и при значительно меньшей трате общественных сил и меньших страданиях народа» [13, с. LXII].

По мнению Д. О. Серова, Петр I проникся идеей полицейского государства и со свойственной ему неукротимой энергией пытался реализовать эту идею [9, с. 146]. За образец государственного устройства он взял шведскую модель и пытался сформировать ее в России. В силу этого проводимые преобразования шли вразрез с национальной государственно-правовой традицией, критически воспринимались значительной частью общества, что в конечном итоге негативно влияло на успех их реализации.

Идея полицейского государства предполагала укрепление законности. В силу этого законотворческая деятельность в период правления Петра I значительно активизировалась. Более того, император «пошел на не имевшую прежде аналогов меру: он обязал служащих всех органов власти знать действующее законодательство» [9, с. 147].

Конструирование новой правовой реальности после провозглашения Российской империи шло как за счет самовластных распоряжений императора, считавшего себя вправе вмешиваться в любой вопрос государственной, общественной и даже частной жизни, так и с помощью принятия новых правовых норм. Значительная часть из них была направлена на мобилизацию дворянского сословия, которое отныне должно было служить государству и решать стоящие перед ним глобальные задачи. Дворян заставили служить, их пытались заставить учиться. Важное значение для формирования бюрократического аппарата абсолютной монархии имело принятие Табели о рангах, которая представляла собой роспись чинов по трем ведомствам с разделением на разряды. Это сыграло важную роль в вопросе упорядочения государственной службы.

Успешное конструирование новой правовой реальности сдерживалось менталитетом дворянского сословия, большая часть которого слабо подходила для решения поставленных императором масштабных задач. Дворянство, за исключением отдельных выдающихся сподвижников, не горело желанием активно включаться в повседневную службу, работать и учиться. Выдающийся современник Петра Иван Тихонович Посошков, автор известной «Книги о скудости и богатстве», писал, что богатое дворянство всеми силами уклоняется от службы, откупается или симулирует болезни [6]. Подобное нерадение проявлялось и в повседневной служебной деятельности. В итоге, когда дело доходило до практической реализации принимавшихся правовых актов, в большинстве случаев первоначальный замысел законодателя изменялся или вовсе утрачивался. Имелись и единичные противоположные случаи, когда император, осознавая значение личностного фактора, стремился учитывать его при назначении на высокие и ответственные должности. Так было, например, в случае с назначением первого генерал-прокурора П. И. Ягужинского, выбор на кандидатуру которого пал из-за его равноудаленности от всех противоборствовавших влиятельных кланов.

Следствием неготовности властных элит к проводимым реформам стал незавершенный либо неудачный характер ряда преобразований, например Судебной реформы. Эта реформа продолжалась в течение всего правления первого императора. В итоге реализовать отделение суда от административных органов не удалось, страна получила запутанную и дорогостоящую судебную систему с медленным прохождением дел, волокитой и отсутствием справедливости. И. Т. Посошков писал, что на собственном опыте убедился, что в судебной системе процветают мздоимство, волокита, произвол [Там же].

В то же время положительную роль сыграли реформы, способствовавшие модернизации устаревших и малоэффективных управленческих структур, в том числе создание коллегий вместо приказов, Сената и прокуратуры, введение системы губернского управления и т. д. Многие из созданных Петром учреждений просуществовали достаточно долго, вплоть до 1917 года. Некоторые исследователи рассматривают этот факт как критерий эффективности проведенного реформирования [2, с. 124]. Представляется, что не все так однозначно. Эффективность большинства преобразований в государственно-правовой сфере снижалась за счет того, что реформы проводились без учета национальной правовой традиции и человеческого фактора, проявлявшегося в менталитете субъектов права, наделенных властными и правоприменительными полномочиями. Принимавшиеся по инициативе императора правовые акты не соответствовали народному духу, нередко шли вразрез с существовавшими правовыми обычаями, следствием чего стал нарастающий правовой нигилизм и закономерные сбои в работе механизма конструирования правовой реальности. Вместо повышения эффективности работы государственного аппарата отмечалась его излишняя бюрократизация. Несмотря на принятие некоторых мер по борьбе с коррупцией, ее масштабы только возрастали. Должностные лица

трактовали и применяли законодательные нормы так, как считали нужным. В результате Петровских реформ государство преобразилось, но далеко не все преобразования осуществились именно так, как было задумано.

Литература

1. Боханов А. Н. Российская империя. Образ и смысл. М.: ФИВ, 2012. 592 с.
2. Дорская А. А. Правовые реформы в России: типология, логика развития, критерии результативности. СПб.: Астерион, 2014. 176 с.
3. Кара-Мурза С. Г., Курицын В. М., Чибиряев С. А. История государства и права России / под ред. С. А. Чибиряева. М.: Былина, 1998. 528 с.
4. Катков В. Д. Христианство и государственность. М.: ФИВ, 2013. 296 с.
5. Латкин В. Н. Учебник русского права периода империи (XVIII и XIX века) / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. 576 с.
6. Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. М.: Экономическая газета, 2011. 424 с.
7. Регламент или Устав духовной коллегии // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб., 1830. Т. VI. № 4870.
8. Ромашов Р. А. Политогенез. Храм-Полис-Государьство-State. СПб.: Алетейя, 2020. 300 с.
9. Серов Д. О. Судебная реформа Петра I. Историко-юридическое исследование. М.: Зерцало-М, 2009. 488 с.
10. Степин В. С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.
11. Социология публичного права: антрополого-правовая парадигма: монография / под ред. И. Л. Честнова. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. 197 с.
12. Томсинов В. А. История русской политической и правовой мысли. X–XVIII века. М.: Зерцало, 2003. 256 с.
13. Томсинов В. А. Царь Федор Алексеевич как государственный деятель и человек // Законодательство царя Федора Алексеевича: 1676–1682 годы. Законодательство царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича: 1682–1696 годы / составитель и автор вступительных статей В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2012. 288 с. С. X–LXIII.
14. Флоровский Г. П. Пути русского богословия. Киев: Путь к истине, 1991. 600 с.
15. Честнов И. Л. Постклассическое правопонимание: основные характеристики // Право и государство. 2017. № 1–2. С. 13–25.

Literatura

1. Boханov A. N. Rossijskaya imperiya. Obraz i smy`sl. M.: FIV, 2012. 592 s.
2. Dorskaya A. A. Pravovy`e reformy` v Rossii: tipologiya, logika razvitiya, kriterii rezul`tativnosti. SPb.: Asterion, 2014. 176 s.
3. Kara-Murza S. G., Kuricy`n V. M., Chibiryaev S. A. Istoriya gosudarstva i prava Rossii / pod red. S. A. Chibiryaeva. M.: By`lina, 1998. 528 s.
4. Katkov V. D. Xristianstvo i gosudarstvennost`. M.: FIV, 2013. 296 s.
5. Latkin V. N. Uchebnik russkogo prava perioda imperii (XVIII i XIX veka) / pod red. i s predisl. V. A. Tomsinova. M.: Zerczalo, 2004. 576 s.
6. Pososhkov I. T. Kniga o skudosti i bogatstve. M.: E`konomicheskaya gazeta, 2011. 424 s.

7. Reglament ili Ustav duxovnoj kollegii // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie I. SPb., 1830. T. VI. № 4870.
8. Romashov R. A. Politogenez. Xram-Polis-Gosudar`stvo-State. SPb.: Aletejya, 2020. 300 s.
9. Serov D. O. Sudebnaya reforma Petra I. Istoriko-yuridicheskoe issledovanie. M.: Zerczalo-M, 2009. 488 s.
10. Stepin V. S. Teoreticheskoe znanie. M.: Progress-Tradiciya, 2003. 744 s.
11. Sociologiya publichnogo prava: antropologo-pravovaya paradigma: monografiya / pod red. I. L. Chestnova. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena, 2009. 197 s.
12. Tomsinov V. A. Istoriya russkoj politicheskoy i pravovoj my`сли. X–XVIII veka. M.: Zerczalo, 2003. 256 s.
13. Tomsinov V. A. Czar` Fedor Alekseevich kak gosudarstvenny`j deyatel` i chelovek // Zakonodatel`stvo czarya Fedora Alekseevicha: 1676–1682 gody`. Zakonodatel`stvo czarej Ioanna Alekseevicha i Petra Alekseevicha: 1682–1696 gody` / sostavitel` i avtor vstupitel`ny`x statej V. A. Tomsinov. M.: Zerczalo, 2012. 288 s. S. X–LXIII.
14. Florovskij G. P. Puti russkogo bogosloviya. Kiev: Put` k istine, 1991. 600 s.
15. Chestnov I. L. Postklassicheskoe pravoponimanie: osnovny`e karakteristiki // Pravo i gosudarstvo. 2017. № 1–2. S. 13–25.

D. A. Pashentsev

State Transformations of Peter's Time through the Prism of the Historical and Anthropological Theory of Law (to the 300th Anniversary of the Proclamation of the Russian Empire)

In the article dedicated to the 300th anniversary of the proclamation of the Russian Empire the transformations carried out by the first Russian emperor are examined using a historical and anthropological approach to law. The discrepancy between the reforms of the national state and legal tradition is shown. It is concluded that the construction of a new state and legal model was complicated due to the mentality of the subjects of power relations, endowed with law enforcement powers.

Keywords: Russian Empire; emperor; historical and anthropological theory of law; government reforms; legal tradition.